

А.С. Столетова

*Вологодский государственный университет,
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина*

«НЕПРАВИЛЬНЫЕ» НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС)

В настоящей статье с помощью анализа справки отдела культуры ЦК КПСС за 1956 г., сохраненной в фонде Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), обозначается проблематика творческой «оттепельной» свободы, последовавшей вслед за XX съездом партии. Затрагиваются особенности литературного процесса 1950-х гг., показаны имена основных деятелей, их авторская позиция, идеологическая составляющая, отношение власти к новациям в писательском искусстве. Отобрана реакция представителей руководящего звена в ответ на литературную критику образов партийного и советского работника. В статье делается вывод о том, что реальным фактом повседневности 1950-х гг. стало общественное размежевание, возникшее ввиду развития остросоциальных явлений, таких как бюрократизм и собственничество.

XX съезд, соцреализм, идеология, «оттепель», Союз писателей, общественное размежевание, бюрократизм, собственничество, индивидуализм.

Середина XX столетия ознаменована масштабными событиями политической, а вместе с тем культурной и литературной жизни Советского Союза. Смерть И.В. Сталина и приход к власти Н.С. Хрущева, создание Министерств культуры СССР и РСФСР (1953 г.), открытие и работа Второго Всесоюзного съезда советских писателей (1954 г.), XX съезда КПСС (1956 г.), Третьего съезда писателей СССР (1959 г.), а также образование в 1958 г. Союза писателей РСФСР, несомненно, влияли на развитие литературной жизни и инфраструктуры чтения в стране. В научной литературе это время принято называть «оттепелью», что связывается с усилением гуманистических тенденций в политической, общественной и литературной жизни. Тем не менее проблематика контроля за деятельностью литераторов, границы писательской свободы, взаимоотношения власти и литературного сообщества остаются актуальными вопросами для научного сообщества. В разное время было опубликовано множество трудов, отражающих взаимоотношения власти и писателей, политики в отношении интеллигенции, включающих анализ аспектов политико-идеологического контроля в стране [1; 3; 5; 6; 7; 9; 10]. Взаимоотношения и слияние литературы, власти и советских писателей, а также соцреализм как эстетическое явление изучал Е.А. Добренко [4]. Ю.В. Аксютин, описывая общественно-политическую жизнь периода 1953–1964 гг., останавливается на вопросе взаимодействия власти и культуры. Освещая идеологическую работу, автор проанализировал дело Б.Л. Пастернака, судьбы романа «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана и повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», а также встречи Н.С. Хрущева с художественной интеллигенцией [2, с. 368–402]. В настоящей статье также будут сделаны акценты на именах писателей, деятельность которых вызвала обсуждение в общественных и литературных кругах в середине XX столетия.

XX съезд КПСС выдвинул перед писателями и деятелями искусств задачу создания глубоких и полноценных произведений о современности, сближения с жизнью народа, преодоления отрыва части литераторов от жизни трудящихся, их борьбы за коммунизм. Однако в ЦК КПСС отмечалось, что эти задачи реализовывались слабо. В составленной отделом культуры Центрального Комитета справке за 1956 г. «О некоторых вопросах современной литературы и о фактах неправильных настроений среди писателей» (за подписью Д. Поликарпова, Б. Рюрикова, И. Черноуцан) отмечалось: «В тематике издательств, содержании журналов, в репертуаре театров современные темы не занимают должного места. Ряд произведений крупных писателей (к примеру, В. Катаева, Ф. Панферова, С. Щипачева, В. Кожевникова и др.) посвящены воспоминаниям детства, событиям давности. На сцене театров по-прежнему преобладают пьесы на семейно-бытовые темы при явном недостатке произведений на большие темы жизни общества. За последнее время усилилось продвижение на сцену второсортных произведений западной драматургии, преимущественно развлекательно-приключенческого плана. В недавно выпущенном сборнике московских поэтов “День поэзии” представлены в большом количестве стихи незначительного общественного содержания, а некоторые из них выражают настроения пессимизма и растерянности» [8, л. 97].

Решения XX съезда КПСС, как указывалось в выше упомянутой справке отдела культуры, раскрывали перспективу развития всех отраслей советской экономики и культуры, вооружали советских людей на новые успехи, имели особо важное значение для воспитания и идейного роста творческих кадров. Однако в Московской и некоторых других писательских организациях наметилась односторонность обсуждения решений съезда. При этом наиболее остро вос-

принимались материалы, в которых разоблачались позиции, связанные с культом личности, т.к. это означало необходимость глубокой, внутренней перестройки. Этот процесс не мог быть скоротечным и безболезненным. Причину сложившегося положения отдел культуры ЦК КПСС видел в том, что Союз писателей, призванный осуществлять идеологическое воспитание литераторов и помогать им в изучении, а также осмыслении явлений жизни, оказался не на высоте положения. В течение 9-ти месяцев, прошедших после XX съезда, в Союзе писателей не проводились пленумы, собрания с обсуждением итогов съезда и задач советской литературы. Поэтому многие беспартийные писатели и мастера слова были предоставлены самим себе и остались вне влияния партийного коллектива. В этих условиях, согласно справке отдела культуры, острые вопросы, волновавшие литераторов, стали предметом кулуарных обсуждений, в которые нередко тон задавали люди, считавшие себя несправедливо обиженными, готовые использовать для сведения личных счетов критику последствий культа личности. В документе указано: «У некоторых писателей имеется тенденция рассматривать культ личности как закономерное порождение социалистического строя. Раздавались голоса о происшедших якобы под влиянием культа личности коренных изменениях социальной природы советского общества, о коррупции партийного и государственного аппарата. Работа по преодолению последствий культа личности вызвала подъем здоровых творческих сил, направленных на укрепление нашего общества. Но оживились и активизировались враждебные советскому строю элементы, пытающиеся дискредитировать социализм и поколебать доверие масс к партии и советскому государству. Крикливые сенсационные выступления в зарубежной печати оказали вредное влияние на некоторых политически отсталых литераторов, которые кое-где вступают на путь безответственного критиканства в отношении наших порядков. Одним из наиболее острых в литературной среде является вопрос об отношении к роману В. Дудинцева «Не хлебом единым»» [8, л. 98].

«Не хлебом единым» – роман советского писателя В.Д. Дудинцева, опубликованный в 1956 г. в журнале «Новый мир». Произведение стало сенсацией в СССР, вызвало большой резонанс и дискуссии. Рассказ об инженере, которому противостоят бюрократы в стремлении реализовать его изобретение, стал литературным символом хрущевской оттепели. Автор касался острых вопросов о размежевании и разрыве между изолированным правящим слоем (чиновничеством, бюрократией) и народом (производственным классом). Среди руководителей Союза писателей о данном произведении высказывались резко противоположные суждения. Одни считали его значительным произведением, написанным в духе решений XX съезда КПСС, другие – явлением вредным, идейно-порочным. Отмечалось, что в романе с большой остротой разоблачались прототипы дельцов и карьеристов, озабоченных своим мещанским благополучием и подавляющих творческую инициативу новаторов (Дроздов, Авдиев, Шутиков). Но также указывалось, что главный недостаток романа состоял в том, что

этой сплоченной группе карьеристов противостоят в качестве положительных героев люди отчаявшиеся и разочаровавшиеся, душевно-надломленные, занимающие оборонительные позиции [8, л. 99]. В последствии В. Дудинцева обвинили в очернении советского общества, а его книгу назвали социальным злом.

В справке отдела культуры КПСС за 1956 г. сделан вывод о том, что «нездоровые элементы» использовали роман В. Дудинцева для клеветнических измышлений о том, что якобы социалистическая система не способствовала творчеству и новаторству, порождала косность и бюрократизм. «Эти элементы пытаются доказать, что выведенные в романе отрицательные герои будто бы воплощают в себе типичные черты руководящих кадров всего государственного и партийного аппарата. Тон такому клеветническому истолкованию задал на обсуждении в Союзе писателей К.Г. Паустовский, заявивший, что роман зовет на бой против чиновников, которые захватили управление всей жизнью и душат все честное, смелое и творческое», – отмечено в документе (Там же). В свою очередь в выступлении К. Паустовского определялось следующее: «У нас в стране безнаказанно существует и даже в некоторой мере процветает совершенно новая прослойка, новая каста обывателей. Это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашим строем, ни с социализмом. Это циники и мракобесы... Это души-тели талантов. Таких Дроздовых тысячи и не надо закрывать глаза» (Там же). Заключение по позиции К.Г. Паустовского в справке отдела культуры ЦК КПСС дано следующее: «Выступление Паустовского стало сигналом для озлобленных элементов, которые пытались в таком же духе комментировать книгу В.Д. Дудинцева на дискуссиях и читательских конференциях. Речь Паустовского была полностью перепечатана в стенгазете физического факультета МГУ, что способствовало разжиганию нездоровых настроений среди студенческой молодежи. Обращение автора выходит за рамки литературного спора, это выпад против советского и партийного аппарата, направленный на то, чтобы посеять в народе недоверие к государственным органам» (Там же, л. 99–100).

Впрочем, не одного В. Дудинцева и К.Г. Паустовского обвиняли в клезунизме. В 1952–1956 гг. в журнале «Новый мир» был издан цикл полемических очерков В.В. Овечкина под общим названием «Районные будни». Литератор критиковал бутафорию и фальшь в работе партийных чиновников, бюрократизм в руководстве коллективными хозяйствами, следствием чего стал период забвения и глубокий творческий кризис. В свою очередь А.Я. Яшин в рассказе «Рычаги» (1956 г.) подверг критике сложившийся партийно-бюрократический уклад жизни. Эту линию продолжили рассказы «Вологодская свадьба» (1962 г.) и повесть «Сирота» (1962 г.). В ходе последовавшей идеологической кампании А. Яшин был наречен «очернителем советской действительности» [11, с. 29–30; 12, с. 98–112; 13]. В 1954 г. Ф. Абрамов опубликовал в журнале «Новый мир» статью «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе», в которой выступил против лакировки положения дел на селе. Под угрозой увольнения из Ленинградского

государственного университета автор был вынужден признать ошибочность своей статьи. Однако позже в 1963 г. прозаик опубликовал «идейно порочную» повесть «Вокруг да около».

Последствия выше указанных литературных позиций в исследуемом документе раскрываются следующим образом: «Подобные настроения находят сочувственный отклик среди некоторой части писателей, неправильно воспринявших призыв партии к решительному искоренению последствий культа личности. Вместо борьбы с действительными недостатками в работе аппарата, с отрицательными привычками и навыками, сложившимися у известной части работников в атмосфере культа личности, такие люди пытаются огульно охаять советские кадры. Их выступления направляются при этом не против плохих и негодных руководителей, а против руководителей и руководства вообще. Если раньше наша литература грешила изображением “идеальных” партийных работников, которые появлялись в произведении только для того, чтобы всех поучать и все исправлять, то теперь наблюдается “шараханье” в другую крайность, стремление нарочито подчеркнуть, выпятить недостатки и слабости в характере партийного работника, изобразить его главным и чуть ли не единственным виновником недостатков» [8, л. 100]. Так, например, армянский писатель Н. Зарьян в статье, опубликованной в республиканской газете «Коммунист» в 1956 г., утверждал, что произведения, в которых нет отрицательных образов партийных работников, искажают действительность, «замазывают» ее противоречия. С этих позиций он критиковал «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Г.Е. Николаевой, т.к. она изображала руководителей области, района, МТС, как преданных и сильных людей, а это «неправильное представление о реальном положении вещей». Как заключал отдел культуры ЦК КПСС в 1956 г., «обличение и разоблачение партийных работников и руководителей приобретало характер сенсационности, “мещанского зубоскальства”. Типы председателей колхозов, начальников главков, министров и их заместителей, всяческих номенклатурных работников стали основным объектом обличения на страницах “Крокодила”, они кочуют из одной пьесы в другую, появляясь в произведении только с одной целью – продемонстрировать свою бездарность, беспринципность и эгоизм. Нельзя считать нормальным, когда, поддаваясь “моде” и подыгрывая обывательским настроениям, иные авторы не раскрывают реальных процессов, происходящих в жизни, а изображают дело так, что руководящий работник уже по должности и положению оказывается “шкурником”, “перерожденцем”, “карьеристом»» (Там же, л. 100–101). Примерами подобных героев, по мысли органов власти, являлись: парторг комбината Самсонов в романе В. Дудинцева, раскрываемый в качестве бездушного «чинуши» и подхалима, инструктор горкома Локтев в рассказе Д.А. Гранина «Собственное мнение» («Новый мир», 1956), изображенный как «злодей по должности» и мстительный чиновник. То же характерно для повести В.Ф. Тендрякова «Саша отправляется в путь» («Новый мир», 1956). Органы власти были обеспокоены тем, что среди общественности «пере-

сматривалось» отношение к пьесе Л.Г. Зорина «Гости», т.к. в ней проявилась идея о формировании класса буржуазии, представителями которого выводились руководящие работники. Разумеется, власть не могла допустить подобных фактов, поэтому обвиняла писателей в произвольности, необоснованности, отсутствии глубокого изучения действительности, игнорировании объективных трудностей, непонимании реальной сложности процессов. Статья В.В. Овечкина «Писатели и читатели», опубликованная в «Литературной газете» 2 октября 1956 г. в исследуемой справке ЦК КПСС характеризуется как неоправданно грубая и «крикливая» [8, л. 101]. В документе фиксируется, что «критика бюрократических “извращений” в деятельности партийного и советского аппарата должна вестись в литературе с позиций борьбы за его укрепление и усовершенствование, а не с позиций обывателей, которые ратуют за анархическое своеволие и стремятся скомпрометировать в глазах народа органы пролетарской диктатуры. Сосредоточив весь огонь на критике действительного и мнимого бюрократизма, литература недостаточно уделяет внимания разоблачению обывательских настроений, эгоизма, безыдейности, “мещанского зубоскальства»» (Там же, л. 102). Данное назидание подкрепляется хвалебными мотивами, соседствующими с оправданием действий руководящих структур: «Большевистская критика исходит из веры в созидательные силы нашего общества, она проникнута чувством ответственности за настоящее и будущее, во имя которого исправляются недостатки прошлого. Наша критика недостатков не имеет ничего общего с мещанской крикливостью и дешевой сенсационностью, которые могут вызвать только чувство растерянности и неверия. Литература должна воспитывать у советских людей бодрость и уверенность в преодолении всех трудностей и препятствий, а не растревать старые обиды, как стремятся это делать некоторые авторы» (Там же).

Не менее важно сказать о поднятой представителями власти проблеме пессимизма и безысходности, звучащей в ряде художественных произведений. Так, по мысли руководящих работников, в ряде литературных трудов наблюдалась тенденция к нарочитому, одностороннему изображению преимущественно трудностей и несчастий в жизни людей. Такие настроения были выявлены в стихах, опубликованных в сборниках “Литературная Москва”, “День поэзии”, в различных журналах (стихи О. Берггольц в № 8 “Нового мира”, М. Алигер в № 11 “Октября”, Б. Пастернака в № 9 “Знамени”). Для отдельных произведений литературы было выявлено стремление к мелкому обличительству. В то же время многие литераторы чурались изображения положительных явлений и характеров, рассматривая это как “лакировку” правды. Так, писатель С.П. Залыгин напечатал в «Новом мире» рассказ «Свидетели», в котором изобразил галерею трусов и приспособленцев. Тяготение к подобным «героям» было характерно и для рассказов С.П. Антонова в «Литературной Москве» и др. (Там же, л. 102–103).

Другой стороной процесса являлось желание писателей освободиться от мелочной опеки и регламентации, администрирования, директивного навязыва-

ния субъективных суждений, что нередко было распространено в деятельности органов искусства, издательств, печати. Ввиду данного факта редактор журнала «Молодая гвардия» А. Макаров и редактор журнала «Знамя» В. Кожевников сообщали в ЦК КПСС в 1956 г., что «почти невозможно побудить писателей написать очерк о достижениях или успехах». Партия же заключала: «Подлинно смелым сейчас считается критика и обличение отрицательных явлений, а смелые поиски нового в жизни, изображение успехов и достижений трактуется как возврат к бесконфликтности. Одностороннее увлечение обличительным направлением не может быть плодотворным для литературы. Борьба за высокую идейность литературы, против аполитичности, безыдейности, пессимизма, низкопоклонства; призыв глубже изучать жизнь советских людей, запросы народа; освещать коренные вопросы современности, воспитывать средствами искусства молодежь бодрой, жизнерадостной, преданной родине, не боящейся трудностей, – все это было и остается важнейшей задачей деятелей литературы и искусства. В создавшейся обстановке руководители Союза и видные писатели-коммунисты ведут себя неправильно, уходят от полемики по острым вопросам литературной жизни, ожидают сверху директивных указаний и мер, которые бы избавили их от необходимости убеждать заблуждающихся, отстаивать партийную точку зрения, давать отпор нездоровым настроениям. В этой обстановке активизировались такие литераторы, которые и раньше относились с недоверием ко всему, что делается в обществе. Б.Л. Пастернак сдал в журнал “Новый мир” и в Гослитиздат свой роман “Доктор Живаго”, переправив его одновременно в итальянское издательство. Это произведение проникнуто ненавистью к советскому строю. Хотя роман Пастернака не был принят к печати, он имеет хождение в рукописи среди литераторов, а сам автор пользуется в известных кругах и, в частности, среди молодежи славой непризнанного гения. В МГУ была выпущена стенгазета, которая была заполнена восхвалением трех “величайших” поэтов – Пастернака, Цветаевой, Ахматовой. Характерно, что никто из преподавателей-коммунистов не нашел в себе смелости открыто выступить против пристрастий студентов-филологов, раскритиковать и высмеять их дурные вкусы» [8, л. 103, 105–107]. В целях устранения недостатков в литературной работе отдел культуры ЦК КПСС предлагал проводить следующую работу: разъяснять секретарям Правления и редакторам печатных органов Союза писателей (СП) СССР, что они обязаны организовывать и возглавлять выступления на дискуссиях, собраниях, в печати в защиту политики партии в области литературы и искусства, мобилизовать творческие силы писателей на решение задач, поставленных XX съездом КПСС; обязать работников и руководителей Секретариата правления СП СССР обеспечивать слаженную работу; поручить редакции газеты «Правда» выступить с редакционной статьей, в которой необходимо разъяснить с свете решений XX съезда КПСС вопросы, выдвигаемые писателями и деятелями искусства об отношении партии к постановлениям ЦК о литературе и искусстве, принятым в 1946–1948 гг. (Там же, л. 108–109).

Резюмируя сказанное, отметим, что XX съезд КПСС стал отправной точкой для развития идейных основ критического реализма в творчестве и публицистике таких писателей, как В.Д. Дудинцев, К.Г. Паустовский, С.П. Залыгин, А.Я. Яшин, Ф.А. Абрамов, В.Ф. Тендряков, А.И. Солженицын и др. В свете пристальных наблюдений за бытийностью и повседневностью литераторы фиксировали нравственные сдвиги в уровнях общественного сознания, тяготение к материальному накопительству. В первую очередь трансформации коснулись следующих институциональных категорий: власть, земля, собственность, управление, принципы жизненного устройства. Изменение мировоззренческих форм и представлений вызвало к жизни появление остросоциальных произведений. Безусловно, эти метаморфозы вызвали неприятие власти, идеологический нажим и давление, т.к. могли повлечь структурную перестройку миропонимания крестьянского и производственного сегментов социума. Опираясь на архивные данные, литературную интерпретацию происходящего, демонстрацию реакции власти на злободневную публикаторскую активность интеллигенции, выскажем предварительное заключение о том, что уже в середине 1950-х гг. развивался и углублялся процесс вполне осязаемого разложения советского общества, действительного социального противостояния между тружениками и чиновниками. Уровень статусности закреплялся посредством распространения и усиления бюрократических, собственнических тенденций, индивидуализма и потребительства.

Литература

1. Адамович, И. В. Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / И. В. Адамович. – Петрозаводск, 2005. – 258 л.
2. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. / Ю. В. Аксютин. – Москва : Росспэн, 2004. – 486 с.
3. Горяева, Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 / Т. М. Горяева. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 400 с.
4. Добренко, Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры / Е. Добренко. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. – 557 с.
5. Зубкова, Е. Ю. Общество и реформы, 1945–1964 гг. / Е. Ю. Зубкова. – Москва : Россия молодая, 1993. – 200 с.
6. Коржихина, Т. П. Извольте быть благонадежны! / Т. П. Коржихина. – Москва : Российский гуманитарный университет, 1997. – 371 с.
7. Культурная революция в СССР. 1917–1965 / под редакцией М. П. Ким. – Москва : Наука, 1967. – 471 с.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 14.
9. Сизов, С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). В 2 частях. Часть 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.) / С. Г. Сизов. – Омск : СибАДИ, 2001. – 224 с.
10. Сизов, С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). В 2 частях. Часть 2. «Оттепель» (март 1953–1964 гг.) / С. Г. Сизов. – Омск : СибАДИ, 2001. – 228 с.
11. Столетова, А. С. «У писателей, читателей и руководства обкома КПСС Вологды к вам сейчас самое доброе отношение»: о творческой и идейной взаимосвязи А.Я. Яшина и С.В. Викулова / А. С. Столетова, К. В. Куш-

нерева // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1 (24). – С. 29–34.

12. Столетова, А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А. С. Столетова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологод-

ский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 143 с.

13. Столетова, А. С. Идеологическая кампания против писателя А. Я. Яшина, инспирированная властью в первой половине 1960-х гг. / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2019. – № 1 (12). – С. 47–50.

A.S. Stoletova

**«WRONG» MOODS OF SOVIET WRITERS IN THE 1950s
(ON THE MATERIALS FROM THE CULTURE DEPARTMENT OF THE
CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU)**

The author analyzes the report of the Culture Department of the Central Committee of the CPSU written in 1956 and kept in the fund of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). The problems of a thaw and artistic freedom that followed the XX Party Congress are revealed. The paper deals with the features of the literary process in the 1950s, the names of the most popular and prominent figures, their personal standpoint, the ideological component and the authorities' attitude to innovations in the art of writing. The author speculates on the reaction of the representatives of the governing bodies to the literary criticism of the images of the party and a Soviet worker. The article concludes that the polarization of society stemmed from acute social phenomena, such as bureaucracy and possessiveness. The polarization became everyday reality in the 1950s.

XX Congress, socialist realism, ideology, thaw, Writers' Union, polarization of society, bureaucracy, possessiveness, individualism.